

После возвращения в Наньюань я две недели выходила только в ближайший супермаркет. Нет, еще в аптеку — купила таблетки от бессонницы. А так все время сидела подле умирающего — в этом громадном доме. Но утром он впал в забытие и не просыпался, как я ни звала. Небо затянуло тучами, давление в комнате упало. Я стояла у кровати и чувствовала, как тени смерти кружат под потолком, словно стая летучих мышей с черными крыльями. Наконец этот день настал. Я вышла из комнаты.

Достала из чемодана толстую вязаную кофту. Отопление здесь всегда работало плохо, а может, просто дом слишком большой. Я долго пыталась ужиться с холодом, сочившимся из-под штукатурки, но сегодня терпеть стало невозможно. Не включая свет, зашла в ванную. От холодного синеватого света люминесцентной лампы-трубки стало бы еще зябче. Я умылась над раковиной, размышляя о том, что случится завтра. Завтра, когда он умрет, я заменю все лампы в этом доме. Труба под раковиной протекала, и вода лилась на пол, в темноте она омывала мои ноги, теплая, словно кровь. Я все стояла у раковины и не могла найти в себе силы, чтобы закрыть кран.

Я спустилась на кухню, поджарила два яйца, вставила хлеб в тостер. Села за стол, медленно позавтракала, а потом достала из кладовки лестницу и пошла по комнатам снимать шторы с окон. Вернулась в гостиную на первом этаже и едва ее узнала. Я стояла в дверях и, шурясь, смотрела

л и
ц з я -
ц и

ч
а
с
т
ь

о на большое голое окно гостиной. Солнечные лучи высве-
1 чивали даже мелкие пылинки, оглаживали запертую в ком-
2 нате тайну.

После обеда я снова поднялась в спальню, чтобы по-
смотреть на него. Тело, придавленное толстым пуховым
одеялом, будто немного усохло. Было все так же пасмур-
но, смерть кружила под потолком, не решаясь спуститься.
Я почувствовала, как грудь сжало удушьем, как стучит кровь
в висках, накинула пальто и выбежала из дома.

Я бесцельно бродила по кампусу медуниверситета. Про-
шла мимо заброшенной школы, мимо галереи за библио-
текой, мимо опустевших трибун на спортплощадке, но
и там не вспомнила о тебе. Пока не оказалась у западного
сектора Наньюаня. Старые дома снесли, на их месте стоя-
ли новенькие высотки со сверкающими металлическими
дверями. Я двинулась мимо, дальше на запад, и с удив-
лением увидела, что твой дом по-прежнему на месте —
со всех сторон окруженный башнями, он одиноко жался
к ограде.

Я понимала, что вряд ли найду тебя там, ведь прошло
столько лет. Но все равно вошла в подъезд и позвонила
в квартиру 102. Из-за двери ответили: заходи. Помедлив,
я открыла дверь и вошла. Внутри было темно, на плите,
должно быть, что-то варилось — по комнате плыл густой
пар. В кресле, закрыв глаза, сидел мужчина — похоже, спал.
Сквозь сумрак, клубы пара и минувшие годы я все равно
узнала тебя. Тихо позвала: Чэн Гун. Ты медленно открыл
глаза, словно все это время ждал меня, устал от ожидания,
вот и задремал. На секунду мне даже померещилось, что
мы договаривались о встрече, просто у меня это стерлось
из памяти. Но на самом деле ты меня не узнал, а когда я на-
звалась, радости не выказал. Я с трудом подыскивала сло-
ва, которые принято говорить после разлуки, вспомнила
к старых друзей, спросила про заброшенную школу. Скоро
о все слова, лежавшие на поверхности, были сказаны и мы
к увязли в молчании. Я не смогла придумать предлог, чтобы
о посидеть еще немного, поднялась и попрощалась.
н

Ты проводил меня до порога. Увидимся — всего хорошего, я вышла в подъезд, и дверь за мной закрылась. В полной тишине было слышно, как с железной притолоки слетела пыль. Я стояла в подъезде, не решаясь выйти наружу. Боялась, что как только окажусь под уличным светом, нас с тобой снова разведет в разные стороны. В подъезд ворвалось ледяное дуновение, дверь скрипнула, будто кто-то вздохнул в темноте. Спутанные мысли ожили под сквозняком, словно разгорелись тлеющие уголья. Я начала понимать, зачем я здесь, собралась с духом и снова нажала на звонок. Я пригласила тебя зайти вечером в белый особнячок. Не дожидаясь ответа, развернулась и вышла на улицу.

Тропинкой вдоль озера я медленно возвратилась назад. Когда снова зашла в эту комнату, на душе было уже спокойно, я впервые достала из шкафа диск с фильмом и вставила его в плеер. Потом заварила чай, принесла два стула и села ждать тебя. Небо за окном постепенно темнело, человек на кровати что-то пробормотал — наверное, сон унес его далеко. Дышал он очень старательно, комнату заполнял бордовый воздух из его прогнивших легких. Почти исчезнувшее солнце вдруг блеснуло, и тусклое небо просветлело, как сознание умирающего перед смертью, — казалось, вот-вот оно явит какое-нибудь знамение. Окно распахнулось от ветра, я встала закрыть и только тут увидела, что идет снег. Внезапно я осознала, что ты не придешь. Но продолжала ждать.

Я смутно понимала, что именно так все и должно было случиться. Стемнело, снег повалил гуще. Я стояла у окна, всматриваясь в дорогу, проходящую чуть в стороне. Но вместо дороги лежала безбрежная белая гладь. Я впиалась глазами в эту белизну, чудилось — еще немного, и ослепну. Наконец замаячила черная точка, словно росток, проклюнувшийся сквозь землю, — она разрывала белизну и становилась все больше. Это был ты.

Ни о чем не спрашивая, ты поднялся за мной, зашел в спальню. Ты будто все знал заранее, даже не удивился, увидев его в постели. Только шагнул поближе и посмотрел

о
1
3

л и
ц з я -
ц и

ч
а
с
т
ь

на его лицо так, словно пытался взвесить эту жизнь, подвести ей итог. Но задача была не из простых, и в конце концов ты запутался в расчетах и оцепенело смотрел на него, пока я не принесла тебе стул.

Да, ты увидел — мой дедушка умирает. Знаю, мне следовало позвонить в больницу, приедет “скорая”, его увезут, и нынче же ночью соберется консилиум, дабы сделать все возможное, чтобы реанимировать больного. Наверное, они сумеют продлить ему жизнь — на несколько дней, но не больше. А потом начнут готовить похороны — церемонию прощания с академиком Ли Цзишэном. И я, единственная родственница умершего, присутствующая на похоронах, провожу его в последний путь. Люди со слезами будут вспоминать его жизнь, двигаться мелкими шажками к гробу, огибать его, незнакомцы станут рассказывать мне, каким великим, мудрым и уважаемым человеком был мой дедушка... На похороны приедет губернатор (или мэр), участливо пожмет мне руку, выразит соболезнования. Объективы камер, как верные псы, станут следовать за ним, ловить благостное выражение на моем лице. Всё сделают за меня, мне останется лишь заготовить достаточно слез для похорон.

И, скорее всего, мне удастся заплакать. Не по умершему, а по всему тому, что уйдет вместе с ним. Вот только я не смогу заставить себя позвонить в больницу. Один звонок — и его смерть превратится в торжественное мероприятие, не имеющее ко мне никакого отношения. Его окружают медсестры, врачи, ученики и коллеги, явятся с визитом какие-нибудь начальники, а еще пресса... Целая толпа втиснется в последний отрезок его жизни, дабы прижать близящейся смерти должный размах. Великой жизни полагается грандиозная смерть. Тонет огромный корабль. Зная, что не должна мешать торжественному уходу великого человека, я все равно вцепилась в оставшееся ему время и не думаю ослаблять хватку. За все эти годы я ничего у него не просила, ни заботы, ни любви, ни славы... Ничего мне было не надо. И сейчас мне нужна только его

смерть, я хочу получить ее в свое полное распоряжение.
Я жду этой минуты, жду, когда несуществующий голос объ-
явит мне, что все кончено.

0
1
5

Днем, глядя на тебя, я чувствовала, как что-то мешает, стоит между нами, — наверное, тебе давно известна эта тайна. Может, за долгие годы она успела растаять и просочиться в самую суть жизни. Но я уверена, что она все еще существует, пусть и в другой форме, и что ты тоже не научился жить так, словно ее нет. Давай поговорим о ней? В первый и последний раз, и оставим все, что с ней связано, в сегодняшнем вечере.

Как густо валит снег. Крупные хлопья ложатся на землю, будто Бог бросает вниз письма, что писали ему люди. Рвет на клочки и бросает.